

РУТА ЭДУАРДОВНА ГРАШИНА

Родилась 1 сентября 1940 г. в Риге. 14 июня 1941 г. в 9-ти месячном возрасте выслана вместе с матерью и старшим братом на север Томской области, отец и дедушка погибли в Гулаге. Детство и юность прошли в Каргасокском районе Томской области. Всю жизнь поработала учителем немецкого языка в сельской школе поселка Пудино Томской области, в настоящее время на пенсии. Живет в Томске (Россия) и Риге (Латвия).

Воспоминания, машинопись, 10 листов. Написаны в 2009 г. Дополнены воспоминаниями доцента ТГУ В.А. Демешкина о её матери М.К. Грашине. Опубликовано в книге «Реки печали. По материалам проекта «Прощение и память», Томск,-2009 г. С. 312-331.

14 июня 1941 года был страшным днём для жителей города Риги и для всей Латвии. Был тёплый летний вечер, мои родители искупали детей - 3-летнего сына Юру и меня, маленькую девятимесячную Руту. Дети легли спать, а мама стала готовиться к урокам. Она преподавала историю и русский язык в восьмой Рижской школе. Папа, Эдуард Грашины, перечитывал записанные в университете лекции. Он был студентом Рижского университета юридического факультета.

Была тишина. Ничто не предвещало беду. И вдруг сильный стук в дверь. Вошли три вооружённых человека, которые сказали, что родители мои арестованы, и что им за два часа надо собраться, их вместе с детьми увозят. Куда? За что? Почему?

На эти вопросы никто не отвечал. Стали делать обыск, переписывать все вещи. Родители были в ужасном смятении. Что можно сделать, собрать за два часа? Кое-что сбросали. В основном это были детские вещи. Остальное всё осталось: пианино, посуда, мебель, одежда, книги - осталось всё и навсегда. Всех нас посадили на грузовую машину и увезли на железнодорожный вокзал. Затем сказали, что мужчины поедут сначала, устроят место жительства, после чего подъедут женщины, дети и старики. Но мама с папой, расстроенные, не ожидая такого поворота, перепутали вещи, папа взял чемодан с детскими вещами, а маме досталось всё то, что было положено для него, и два маленьких ребёнка. Мужчин на самом деле увезли совсем в другую сторону. Папу отправили в Кировский район на север Урала. В 1942 году в Вятлаге он умер. Об этом я узнала только в 1989 году из «Литературной газеты» Латвийской республики. Написал статью врач, которого арестовали прямо у операционного стола, не разрешив даже сделать операцию. Он отбывал свой срок в том же лагере, где был мой отец. Врач, используя бумагу от папирос, тайно составлял список умерших заключённых (писал фамилию, год рождения, место, откуда был увезён, диагноз и дату смерти). Этот список он вместе с воспоминаниями смог опубликовать только в 1989 году. В нём 409 человек. Среди них под номером 149 - мой папа.

Читать эту статью без слёз невозможно. Вот несколько выдержек: «Наш эшелон отправился утром 15 июня. По пути хотели выбросить записку, чтобы другие знали, в каком направлении нас увозят. Но охраняли очень строго, охрана ходила даже по крышам. Вагоны были заперты. Вместо туалета в конце вагона находилась деревянная труба. Нас долго не кормили. Только в Смоленске принесли попить воду. А когда дали поесть, то мы не знали, во что положить еду. Подставляли кружки, баночки, черепушки и даже шапки. На станции надо было отдать все вещи: чемоданы, часы, кольца, ручки и т.д. После того как мы сложили вещи, нас построили по шесть человек, кругом была вооружённая охрана

с собаками. Нас, восемь тысяч мужчин, разделили по сто человек. Пройти надо было 15 километров до распределительного лагеря Юхново. 24 июня через ворота, которые вели в баню, стали пропускать офицеров. Каждого раздевали догола, просматривали рот и даже задний проход (чтобы никто не пронёс какое-нибудь оружие). Офицеров увезли в Норильск. Часть расстреляли, часть работало на раскопках руды.

27 июня. То, что началась война, из заключённых никто не знал». Дедушку Пиегазе Карлиса увезли в Сибирское Усолёе. До ссылки он работал в министерстве. Был главным контролёром Латвии. Добился всего честным, добросовестным трудом. Сначала закончил с отличием реальную школу в Великих Луках. Потом поступил в Рижский политехнический институт. После окончания ему предложили 3 места работы: Тверь, Пермская область или Сибирь - город Чита. Дедушка выбрал Читу. Проработал он там 12 лет, с 1908 по 1920 год. Вот выдержка из его автобиографии: «Эти 12 лет были годами очень продуктивной работы. Трудился по своей специальности: проектировал, строил мосты, дороги, различные здания - больницы, школы, курорты, казармы; проводил всякого рода испытания, был членом комиссии по решению различных вопросов и по приёмке работ. Всё шло хорошо и гладко, без всяких недоразумений.

Очень много путешествовал по широким просторам. Пересёк Забайкалье вдоль и поперёк на лошадях, на поезде, пароходе, пешком. Поэтому очень хорошо познакомился с Забайкальем, с его красивой и богатой природой, с его жителями и с их жизнью».

В 1920 году он с семьёй (двумя дочерьми, сыном и женой) вернулся на Родину в Латвию. За добросовестную работу в Министерстве главным контролёром получил два ордена. Один из них орден трёх звёзд.

А 14 июня 1941 года его везут опять на Байкал, которому он отдал столько лет жизни, который так любил, для которого так много сделал. Но везут уже не на работу, а в ссылку, где от невыносимых условий, болезни и непосильного труда через год дедушка умер.

Моя мама была его старшей дочерью. В Чите она жила с двух лет. В Латвию приехала в 14-летнем возрасте. В эти годы она уже прочитала много книг великих писателей: А. Дюма, Драйзера, Мопассана, чувствовала себя взрослой и самостоятельной.

В 1936 году закончила философский факультет Рижского университета. После его окончания работала преподавателем русского языка в женской гимназии в городе русский язык в восьмой Рижской школе.

В молодости, будучи студенткой, она очень много ездила по городам Европы. Много читала, научилась вязать, вышивать, играть на пианино, хорошо пела, была участницей Рижского университетского хора. Этот хор ездил с выступлениями по всем городам Европы: Осло, Вильнюс, Таллин, Стокгольм и другие. Была чудесная студенческая жизнь, затем интересная работа, муж, дети.

И вдруг всё рухнуло. Едем в одном направлении в разных составах. Опять Сибирь. Но поездка не добровольная, а ссылка. За что за одну ночь со всей Латвии увезли в грузовых вагонах четырнадцать тысяч человек? Это была вся «верхушка» Латвии: врачи, юристы, инженеры, министры, учителя, профессора, все люди, занимающие руководящие посты. А с ними старики, жёны, дети, младенцы. Мужчин и женщин разделили по разным вагонам. И никто не знал, что мы - дедушка, папа, мама с двумя маленькими детьми - едем в одном составе, но в разных вагонах, которые потом отправят совсем по разным путям: в Киров - в Вятлаг, в Томск - на Васюган и в Сибирское Усолёе.

За одну ночь мама потеряла всё: Родину, отца, мужа, работу, имущество, а позже, уже в ссылке, шестилетнего сына. За что? Почему? Никто из находившихся в грузовом, душном, переполненном людьми вагоне на этот вопрос ответить не мог.

Так началось второе мамино путешествие в Сибирь. Ехали в поезде месяц. Только перед Уралом узнали, что началась война. Было очень жарко. В вагонах невыносимая духота. Люди крича-ли, просили хотя бы глоток свежего воздуха, но никого не выпускали. Вагоны переполнены. Стали умирать старики, дети. Для того чтобы похоронить людей, состав не останавливали. Приходилось умерших на коротких остановках просто выбрасывать. Из еды давали только солёную рыбу, чёрный хлеб и немного воды. Некоторые женщины от безвыходного положения, от того, что случай убийства своих детей. Так доехали до Новосибирска, затем был Томск.

Из Томска ехали на барже. Набитый битком трюм. Опять духота, жара, голод. Повезли по реке Васюган. Мою маму с сыном трёх лет и со мной, девятимесячной (пока ехали исполнилось уже десять месяцев), высадили в деревне Волчиха, которая находилась на притоке Васюгана - реке Нюрольке.

Началась кошмарная жизнь. Нас поселили в холодные тёмные амбары, а некоторых подселили к местным жителям. Летом мы жили просто в вырытой в крутом берегу яме, которую прикрывали еловыми веточками. Позже одним из мест моего жилья был угол в интернате. А потом хозяйственная каморка, где хранились тряпки для мытья пола, вёдра и керосиновые лампы.

То, что жизнь была такой трудной, я, конечно, не понимала, потому что была ещё маленькой и другой жизни не знала. Но очень тяжело было маме, потому что на руках у неё два маленьких ребёнка. А чем их кормить? За просто так никто ничего не давал. Я очень болела. До трёх лет не могла ходить, соседи маме сочувствовали и говорили: «Да уж лучше бы она у тебя умерла и не мучилась». Но мама не могла себе даже представить, как это она когда-нибудь вернётся в Латвию без дочери. Братик уже тоже всё понимал и успокаивал маму: «Нет, она у нас вырастет и будет красивая-красивая». Казалось, что уже нет никакой надежды на то, что я когда-нибудь встану. Но я чудом выжила. Чтобы нас как-то прокормить, маме приходилось очень много работать на полях, на заготовке дров - везде, куда только ни посылали. Но этого было недостаточно, колхоз мало что давал, тогда она стала обменивать на кое-какие продукты свои вещи. Иногда зимой приходилось идти за картошкой в соседнюю деревню. Ходила в резиновых сапогах и на саночках привозила совсем замёрзшую картошку. Пригодилось маме умение вязать. Она вязала кружочки, потом их соединяла, и получались скатерочки, которые она могла на что-нибудь выменять.

Ещё зарабатывала мама ворожкой на картах. На самом деле ворожить она не умела и даже не любила карты. Но так как у неё было высшее философское образование, хорошее знание русского языка и всех в деревне знала, знала их беды, надежды, у кого кто ушёл на фронт, то мама старалась их успокоить, вселить какую-то хоть маленькую надежду. Женщины были ей благодарны и всегда чем-нибудь угощали.

Из-за лютых морозов, постоянного недостатка одежды, обуви у мамы очень болели руки и ноги. Болели так, что на многих пальцах выпали первые косточки. Она месяцами ходила с перевязанными руками. Сна и покоя не было ни днём, ни ночью. А потом она очень переживала, боялась, что уже никогда не сможет играть на пианино. К счастью, мама дожила до того момента, когда играть смогла и на пианино, и на аккордеоне.

Проще с питанием было летом. Кормила тайга - ягоды, грибы, колба (черемша). В деревне была крапива - это самая главная наша спасительница. Но на всех жителей деревни её не хватало, поэтому приходилось территорию делить. Можно было поймать рыбу. А брат спрашивал у мамы, можно ли есть лягушек. Вспомнив, что во Франции их едят, она ответила: «А почему бы и нет, конечно же, можно». Нашли баночку и сварили. Иногда мама с поля в карманах приносила горох. Но за этот горох, если бы обнаружили, могли посадить в тюрьму. Из крапивы и лебеды варили похлёбку, пекли прямо на плите лепёшки.

С наступлением лета стало жить легче, но тут нагрянула очередная беда. Мама была на полевых работах. Меня она где-то пристроила, а брат Юра был один. Пошёл с другими детьми на речку. Залезли в лодку. Наверное, раскачивали, и он с этой лодки упал, пока бегали за взрослыми, братик уже утонул. Достал его шестнадцатилетний мальчик. Чтобы похоронить, сколотить гробик, не могли найти досточки. Тогда мама со своей подругой Эльзой Албатс содрали доски с сарая и сами, так как мужчин не было, сколотили гробик. Похоронили, положили на могилку багульник - это были единственные в то время цветы. Теперь багульник всегда напоминает мне деревню Вол-чиху и тот печальный незабываемый день.

Итак, я осталась у мамы одна. С шести лет начала ей помогать. Чтобы получить хлеб и суп, мне приходилось нянчиться с годовалым ребёнком. Каждую весну собирала на полях оставшуюся, очень часто сгнившую, но зато крахмалистую картошку. Вязала веники, собирала ромашку, драла с тальников так называемое «дубкорьё». Ходила всегда с мамой за ягодами, грибами. Вместе охраняли в течение всего лета от коров картофельные огороды, помогали людям собирать урожай, за что нас кормили обедом. Через некоторое время мама раскорчевала в конце деревни клочок земли, и мы посадили свою картошку. Перетаскивали в деревню её сами в мешках, на мою долю мешочек доставался тоже.

В 1948 году мама стала работать техничкой в интернате. В нём от каникул до каникул жили дети селькупов из соседних деревень. Работа была довольно трудная - стирка белья, побелка, топка печей, мытьё полов. Но зато в тепле, появились какие-то деньги, а для меня - уголок в коридоре.

В 1949 году должна была из ГОРОНО приехать комиссия. Мама решила навести идеальный порядок. Всю ночь добела скоблила пол. Утром у неё заплыло всё лицо, глаз не видно. Члены комиссии спрашивают: «Что случилось с этой женщиной?» Учителя всё им рассказали: кто она, откуда, что у неё высшее педагогическое образование. Заведующий ГОРОНО Курдюмов сказал собрать все необходимые документы и устраиваться учителем немецкого языка в школу посёлка Рабочий. Так мама стала работать в школе.

Наша жизнь начала налаживаться. В комнатке с вёдрами, тряпками для мытья полов, керосиновыми лампами мы впервые спали не на полу, а на кровати. А потом завхоз Рабочинской школы ТрапанГаррий построил для нас на самом краю деревни рядом со школой маленький домик, а в нём печка, кровать, стол, полка для книг и столик для меня. Это было такое счастье! Я там каждый день наводила порядок. С порога смотрела, все ли вещи лежат на своих местах. Маме было некогда. Она, как всегда, очень много работала, поэтому я часто варила и даже умудрялась стирать. Один раз применила для смягчения воды золу. Можно представить, что там получилось, раствор я не процеживала, а выливала его прямо на бельё.

Ещё расскажу об одной очень интересной моей мечте. Мечтаниям не было конца. Хотелось, чтобы у мамы было много денег, почему-то 59 рублей, чтобы можно было купить на лето сандалии и платье. Хотелось увидеть Ригу, о которой много рассказывала мама. И мечтала, оказывается, даже о телевизоре. В 1949 году телевизор никто ещё не видел даже во сне. Привозили в клуб раз в месяц, а может быть, в два, кино. Так как это было великим событием, то обязательно надо было идти. Идти в любую погоду, будь то мороз, снег или дождь. И вот один раз, когда привезли кино, была гроза. Как не хотелось мокнуть, и я подумала: «Как было бы хорошо, лёжа на кровати, только нажать на кнопку и посмотреть на противоположной стене кино». Мечта сбылась!

Прожили мы в этом домике до 1952 года. Мама продолжала работать в школе. Был в ней очень хороший, молодой и дружный коллектив. Нравилось всё. Появились хорошие друзья, которые во всём друг другу помогали. Все ссыльные стояли ещё на учёте. Однажды приехало из НКВД начальство. Вызвали маму и говорят:

- Вы умная, образованная женщина, поэтому мы обращаемся к Вам с таким заданием. Вы должны прислушиваться ко всем разговорам ссыльных, запоминать, о чём они говорят, о ком, кто говорит, а затем рассказывать нам.

Мама ответила:

- Нет, этого я делать не буду никогда.
- Ну, если не будете, тогда мы Вас вышлем опять.
- Делайте что хотите. Только вы меня уже ничем не напугаете. Я видела столько хорошего и столько плохого, что уже ничего не боюсь.
- Хорошо. Тогда идите, пишите свою биографию.

Вечером мама писала, зачёркивала, переписывала. Всю ночь очень переживала. Утром пошла со своей биографией к начальству. В результате в 1952 году сослали её в другую деревню - в Киндал. Но это место оказалось гораздо лучше, чем посёлок Рабочий. Деревня Киндал находится ближе к Каргаску. Хорошая школа, земля, отличная природа. Нам дали квартиру с огородом и банькой. Под горой протекает маленькая речка. Поэтому мама купила даже обласок. У нас появились кошка и собака, которая пела под аккордеон. Всё это было для нас большим богатством. В школе мама вела пение, немецкий язык и биологию, заведовала пришкольным участком, вела юннатский кружок. На участке всё очень хорошо росло. Подсолнухи, кукуруза были выше нашего роста. Очень много накапывали картошки - с трёх кустов целое ведро. А чудесные большие помидоры мы могли даже продавать.

В 1956 году маму перевели в Старо-Югино. Восьмого класса там ещё не было, поэтому мне пришлось учиться в Каргаске. Опять мама попала в хороший, дружный коллектив. Директором школы был Борис Григорьевич Кокорин. Он замечательно играл на баяне, а моя мама - на аккордеоне. Под их руководством ученики и учителя готовили очень хорошие концерты. Я это очень хорошо помню, потому что тоже принимала в них участие. Чудесные танцы готовили Галина Михайловна Федотова и Нина Николаевна Калясьева. Красивые танцы «Зима», «Берёзка» исполняли девушки. И особенно мне запомнился танец в исполнении Георгия Николаевича Калясьева под сопровождение песни «Чёрное море моё».

Был хороший не только учительский коллектив, но и очень серьёзные, умные, целеустремлённые дети. Лично я их знала мало кого, потому что там не училась, но об этом говорит их переписка с моей мамой Мирдзой Карловной Грашиной. Она получала от бывших учеников очень много писем и всегда старалась на них ответить. Письма её были

очень содержательные и интересные. Вот выдержки из них: «Я в своей жизни видела много красивых городов и жила в них. Но никогда я не забывала о лесе, цветущих пахучих травах, о пленительном одиночестве среди природы. Это даже нельзя назвать одиночеством, потому что оно не угнетает, а наоборот, чувствуешь какое-то единство, неразрывное со всем окружающим. Чувствуешь, что ты маленькая, незначительная точка, которой дана возможность трепетать перед величием и гармонией вселенной, и на какой-то короткий миг проникаешь в её тайны».

«В Сибири мне нравятся снег и морозы. Хрустящие морозы, когда всё, как заколдованное, боится даже шелохнуться. Кругом туман, в котором светится много солнц-огоньков, а наверху тёмное небо, сплошь усыпанное звёздами. Потом люблю выходить в снежные просторы и слушать тишину. Но больше всего меня чаруют мерцающие снежные дали, насквозь пронизанные и объятые лучами мартовского солнца».

«...от лётчика настоящего требуется в большей мере отрешимость от всего земного, исключительная собранность нервов и в то же время азартность, упоение риском, трудными ситуациями, железная дисциплина. Нигде не имеешь право показывать своё «Я», ты во власти долга».

В 1959 году мы переехали в село Пудино. До 1973 года мама преподавала в школе. Потом воспитывала двух внуков и внучку. В 1983 году 8 февраля на 76 году жизни мамы не стало. Невыносимо жалко терять такую добрую, умную, чуткую маму, которая, несмотря на исковерканную судьбу, несмотря на то, что было потеряно, пережито, не обозлилась на всех и всё, а приняла жизнь такой, какая она есть. Она сделала очень много доброго, хорошего для односельчан, учеников, своих внуков и для меня. Она вкладывала в нас всю душу, учила доброте, учила быть трудолюбивыми, целеустремлёнными, чтобы мы стали хорошими специалистами и просто хорошими людьми, большинство такими становились: врачами, учителями, писателями, инженерами. А в их сердцах осталось чувство благодарности и незабываемая память об учительнице Мирдзе Карловне Грашиной.
22.03.2009 г.

Василий Александрович Демешкин.

Родился 06.05.1947г. вс. Пудино Парабельского района Томской области в семье спецпереселенцев. Выпускник Пудинской средней школы 1965г., кандидат исторических наук, доцент исторического факультета ТГУ.(г. Томск)

Мирдза Карловна

Ближе к весне 1959 года во дворе Пудинского райкома партии выросли строительные леса. Сначала не очень было понятно, что там строится. Но вскоре стало ясно, что это судостроительная верфь, и на ней заложили паузок. Большую речную посудину для перевозки различных грузов. Деревенской детворе они были не в диковинку. По первой воде тянулись они вереницами к пристани с. Пудино и несли в своих чревах годовой запас продовольствия и мануфактуры для всего населения района. Это повторялось из года в год, но никогда паузок не строили в центре села. Для взрослого населения уже не было секретом, что район к лету будет закрыт, и вся районная чиновничья рать вынуждена будет искать работу в других местах. Где-то в апреле судно просмолили и вывезли на Чузик, где оно приняло имущество основных районных организаций - райкома партии, райисполкома, милиции, комендатуры и др. Центральная улица села сразу обезлюдела. Опустевшие здания стали занимать другие хозяева. В ходе переселения начальная школа переместилась в здание райисполкома, совхозное руководство унаследовало помещение райкома партии. Был закрыт районный Дом пионеров, и школьники, которые туда ходили,

очень жалели, что не стало хора, танцевального кружка и многого другого. С родителями уехали дети, и в сентябре многие не встретили в школе товарищей. Но появилось много и незнакомых ребят. Это были в основном дети из семей, которые переехали из окрестных спецпоселков в бывший райцентр. Классы пополнились детьми, но не настолько, чтобы восполнить урон, нанесённый закрытием района.

Уехали и многие учителя-предметники: учитель иностранно-го языка Г. Фляйшер, преподаватели математики Г.И. Щербатов, Н.И. Лосев, А.В. Аксёнова и др.

Преподавательский состав в школе основательно обновился. Именно в этот сложный период в Пудинскую среднюю школу приехал учитель иностранного языка. Это была Мирдза Карловна Грашина.

Первая встреча с ней запомнилась навсегда. В наш 6 «а» класс вошла учительница, которая совсем не была похожа на других учителей. Внимание приковывали удивительно молодые глаза, которые всегда дружески, а иногда вопросительно были обращены к собеседнику. Глаза были поразительно синего или голубого цвета. Восприятие зависело от того, насколько ярко светило солнце или было пасмурно. В класс она вошла с улыбкой и никогда в дальнейшем не изменяла своей манере общения с окружающим миром. Это было удивительно!

Но ещё большее удивление вызвало её умение общения с нами, школьниками. Особенно это ярко проявлялось на уроках. Создавалось впечатление, что она обращалась только к тебе, хотя класс был полон.

Многие учителя не любили отходить от стола и классной доски и редко передвигались по классу. Возможно, у кого-то были резоны не оставлять за спиной школьников. Но Мирдза Карловна сразу же прошла в центр класса и начала с нами знакомиться. Очень кратко сообщила о том, что она не сибирячка, родилась в Прибалтике, поэтому у неё трудное для правильного произношения имя - Мирдза. Она объяснила, что есть искушение при произношении сочетаний звуков рдз сократить (редуцировать) согласную «д». Для того чтобы этого не происходило при обращении к ней, она попросила вспомнить, как произносится фамилия Дзержинский. Мы все хором произнесли эту фамилию, а затем и её имя - Мирдза. Так вошла в нашу жизнь Мирдза Карловна. Мало кто из школьных учителей не имеет псевдонимов. Школьники во все времена всегда давали клички своим учителям. Они были иногда весьма обидными, но это та сфера, где запреты не действуют и языковые средства точно характеризуют личность педагога. У нового учителя немецкого языка в Пудинской школе не было прозвища. Между собой мы её называли по имени. Прошли годы, за спиной остались школа, вуз и многое другое... Выпускники с уважением и добрым словом вспоминают нашего учителя Мирдзу Карловну!

Ей всё было интересно! Не замыкаясь рамками школы, она вскоре стала узнаваемой и необходимой многим сельчанам. Очень часто можно было увидеть на улице Мирдзу Карловну, беседующую то с мамой ученика, то с участником клубной самодеятельности. Это был искренний интерес к людским судьбам. Постоянное стремление без крика и шума помочь словом и делом тем, кому было трудно. По-другому она не представляла своей жизни.

Как-то незаметно наши одноклассницы стали прислушиваться к её советам и мнению по многим вопросам. Её манера общения, одежда ненавязчиво формировали чувство вкуса. Своей внешностью она демонстрировала, что красота может быть не яркой и вызывающей. Её характеризовало стремление гармонизировать окружающий мир не с позиции силы, а путём мудрого, кропотливого, иногда очень длительного общения с

воспитанниками. Лишь по прошествии времени многие осознали, как, оказывается, много она значила для школы и нравственной атмосферы в селе.

В Пудинской средней школе Мирдза Карловна начала работать в сложный и тяжёлый период (1958 г.) Исчезали спецпоселки комендатуры, что привело к уменьшению числа учащихся в школе. Общественное сознание медленно, но неотвратимо накапливало потенциал для осмысления своего прошлого. Оттепель 60-х годов не могла не отразиться на школе. В старших классах всё острее возникало стремление узнать историю не вообще, а историю родного края. Кто и когда основал в глухой тайге село? Почему в классных журналах школы такое разнообразие фамилий - Леус, Махно, Теус, Страман, Гурзо, Узварик, Манжак и тут же Иванова, Фёдоров, Зыкова, Морозов? Откуда такое вселенское смешение? Публично наши педагоги, конечно, не могли в то время это объяснить и дать ответы на острые вопросы.

Мирдза Карловна за чашкой чая как-то взвешенно и спокойно сообщила, что в Сибирь она попала не по доброй воле. Впрочем, для основной массы школьников давно уже не было тайной то, что их деды и родители корчевали тайгу и обживали эти места не по своему желанию. Во многих семьях моих одноклассников история рода зачастую вообще не обсуждалась. Старшее поколение очень хорошо знало цену «детских» разговоров на улице и старалось не слишком подробно вспоминать о своих предках. Конечно, все мы знали, что родные края наших отцов и матерей где-то «за болотом». За болотом - это для одних Алтай, станицы сибирского казачества в Омской области, а для других степи Барабы и Кулунды, далёкой Прибалтики.

А для нас эти таёжные края были уже нашей родной стороной. Её мы любили и любим, но историю в то время почти не знали. Весь этот мир, где мы выросли - деревни, поля, дороги, мосты, - был создан трудом, зачастую непосильным, крестьян-спецпереселенцев в 30-40 гг. XX века, созидали его и депортированные из Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и других мест.

Совершенно очевидно, что Мирдза Карловна очень остро ощущала потребности своего времени и свою миссию. Возвращение к своим культурно-историческим корням, к истории семьи, рода она считала важнейшей задачей. Она сумела в рамках программы «Народного университета культуры» подготовить и провести праздник народной песни. Деликатность в общении, высокая общая и музыкальная культура позволили ей найти исполнителей и убедить их выступить.

На сцену Дома культуры вышли женщины и исполнили песни своей молодости - звучали и казачьи напевы, и девичьи страдания, и многое другое. Музыкаведческий комментарий к прозвучавшим песням был безупречен. Этот памятный вечер надолго запомнили жители с. Пудино. Обратившись к народной песне, к её исполнителям, Мирдза Карловна растревожила память старшего поколения. Стало очевидно, что прошлое - не проклятое время, оно достойно памяти и передачи её своим детям и внукам.

Мне кажется, что именно после этого вечера моя мама Т. Р. Демешкина (в девичестве Дорохова), которая исполняла казачьи песни, стала больше и подробнее вспоминать и рассказывать о жизни «за болотом» и при комендатуре. Именно тогда многие впечатления детства получили объяснение: вопросы получения паспорта в комендатуре, снятия с учёта и др. Прогнозировала ли Мирдза Карловна такие результаты? Вряд ли! Но она просто не могла жить вне атмосферы созидания культуры, толерантности. Она очень любила жизнь. Эта любовь была направлена на детей, школу.

От районного Дома пионеров в наследство школе досталось старое, разбитое пианино. Играть на нём было некому, и оно окончательно приходило в негодность. Мало кто из младшеклассников, да и старшеклассников не чурался ударить раз-другой по клавишам... Что говорить, было, к сожалению, и такое! Мирдза Карловна смогла настроить инструмент, кое-что подладила, и в её руках он зазвучал! Правда, не в спортзале, а в её маленькой уютной квартире, которая располагалась в 5 минутах ходьбы от школы. Для школьников, желающих освоить азы нотной грамоты и игры на пианино, она открыла двери своего дома. Многие приходили не более 2-3 раз и всегда были напоены чаем, там проходили интересные беседы... Впервые слушали в её исполнении на пианино музыку Шопена, романсы русских композиторов и др.

Именно в домашней обстановке она подготавливала и репетировала с учениками классные вечера и диспуты. Диспуты всегда были интересными. Много сил было отдано подготовке и проведению обсуждения фильма «Кто Вы, доктор Зорге?» Рихарду Зорге посмертно в 1964 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Приоткрылась новая страница истории, и Мирдза Карловна спешила донести всё это до нашего выпускного класса. С интересом обсуждали сюжет фильма и реальную судьбу разведчика Р. Зорге. Мирдза Карловна деликатно и достаточно твёрдо направляла диспут. Ход и итоги обсуждения заставляли размышлять, задуматься о трагической и героической судьбе реального Р. Зорге, погибшего на чужбине в борьбе с нацизмом. По сути, в диспуте были поставлены для осмысления вечные вопросы. Что такое Родина? Должны ли мы её любить?

Ответственность перед собой и обществом? Что значит быть гражданином? Эти вопросы Мирдзу Карловну волновали, и мы вместе с ней искали на них ответы. Ко времени окончания школы нам уже было по 18 лет, а кое-кто и все 20 имел! Взрослые люди. Серьёзные и важные вопросы для раз-мышления искала и находила педагог М. К. Грашина.

Навсегда запомнился последний день, проведённый нами в Пудинской школе 22 мая 1965 г. На торжественной школьной линейке первоклассница на плече В. Радченко отзвонила для нас последний школьный звонок! Последний школьный урок провела Мирдза Карловна. Именно ей доверили учителя школы напутствовать в жизнь 20-й выпуск Пудинской средней школы Парабельского района.

Кабинет физики утопал в цветах черёмухи, за школьными столами последний раз сидели все вместе и с грустью глядели друг на друга. Мирдза Карловна поступила очень мудро - не стала говорить о том, что на нас надеются, а мы должны. Она хорошо понимала, что эти казённые слова-лозунги не тронут душу. Она просто открыла томик чудесного волшебника слова, романтика Константина Паустовского и сообщила нам, что прочитает сказку «Стальное колечко». Многие из нас переглянулись и улыбнулись. Это нам-то сказку?! Жизнь впереди - настоящая! Спутники летают! Космонавты живут на земле! Спокойно, не напрягая голоса, Мирдза Карловна стала читать про обыкновенную девочку Варюшу, дедушку Кузьму и их простую жизнь в Моховом. Почти в конце чтения сказки Мирдза Карловна сделала паузу... Варюша в сказке собиралась, надев перстенёк, повидать белый свет со всеми его чудесами, но передумала... Она не захотела расставаться со своей родной стороной, о которой дед Кузьма говорил, что наша земля - истинный рай и нету другой такой хорошей земли на белом свете... Как-то все подумали о том, что мы почти все покидаем свой родной край. Кто с надеждой вернётся вновь, а кто и нет...

И действительно, прошли годы, ушли из жизни одноклассники В. Щадрин и В. Палинова. Нет с нами и Мирдзы Карловны... Но помнится это удивительное мудрое напутствие. В

памяти и сама Мирдза Карловна - щедрый, душевный человек! Низкий поклон Вам,
Мирдза Карловна!
27.03.2009г.